

УДК 947.081:951.4

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ
НА ТЕРРИТОРИИ СИНЬЦЗЯНА В 60–70-х гг. XIX в.**

В.П. Яншин

Раскрываются основные черты политики России по отношению к государствам, образовавшимся в результате антицинского восстания на территории Синьцзяна.

Ключевые слова: меркантилизм; антицинское восстание; панисламизм; антирусской политика; двоеданство.

**POLICY OF RUSSIA IN RELATION TO THE STATES
IN TERRITORY OF SINTSZJAN IN 60–70th OF THE XIX CENTURY**

V.P. Yanshin

The article deals with the basic lines of a policy of Russia in relation to the states, formed as a result of anti-Qing uprising in territory of Sintszyan.

Key words: commercialism; anti-Qing uprising; pan-Islamism; anti-Russian policy; double taxation.

Впервые интерес России к Восточному Туркестану проявился в 1714 г., когда поступили сведения о наличии золотоносного песка у Яркенда [1, с. 8]. Петр I быстро отреагировал на это, отдав приказ о походе в Восточный Туркестан со стороны Сибири подполковника И.Д. Бухгольца (около 2 тыс. солдат), который дошел до Ямышева озера, где и построил крепость, однако зимой 1715–1716 гг. джунгары осадили ее, и вскоре остатки отряда были вынуждены вернуться обратно [2, с. 7]. Вообще, надо сказать, что Петр I всю жизнь строго придерживался основных постулатов меркантилизма, заключавшихся в том, что мощь и процветание государства зависит от количества накопленных драгоценных металлов, которые в основном должны быть получены за счет торговли, т. е. экспорт всегда должен превышать импорт, а так как самой перспективной страной в торговом отношении тогда считалась Индия, то все помыслы в этом плане у Петра I были направлены на установление прямых торговых отношений с нею. С этой целью Петр I предпринимал различные шаги, иногда довольно авантюрного характера. Так, помимо походов Бековича и Бухгольца, посольств Ф. Беневени и И. Унковского, экспедиции Беринга, Персидского похода 1722–1723 гг., в 1723 г. попытались отправить морскую экспедицию под командованием адмирала Вильстера на Мадагаскар для того, что-

бы принять пиратов этого острова под российское покровительство [3, с. 194], к счастью, вовремя разобрались, что пиратское царство – блеф.

После смерти Петра I интерес к Восточному Туркестану надолго исчез из поля зрения российского правительства. Только во второй половине XVIII века, при Екатерине II, данный регион опять привлекает внимание, однако уже без петровского “экспансионизма”, а только в интересах расширения торговли с Китаем и открытия торговых путей в Индию. Такой подход оставался преобладающим до середины 50-х гг. XIX в., когда начался процесс присоединения кыргызских племен к России и возник, как в случае с Хивой и Кокандом, вопрос о подданстве казахов и кыргызов с Цинской империей, а следовательно, появилась проблема территориального разграничения. С этой целью в 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому в общих чертах была проведена граница между сферами влияния России и Китая в данном регионе. Однако вскоре ситуация стала радикально меняться: в 1862 г. вспыхнуло восстание дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу, которое к 1864 г. перекинулось в Синьцзян, в результате чего образовалось четыре государства: Джеты-шаар, с центром в Кашгаре; Таранчинский султанат в Кульдже; Калмыкское владение, с центром в Чугучаке, и дунганский союз городов в Урумчи.

Для того чтобы сохранить на будущее свои позиции в Восточном Туркестане и Тарбагатае, китайское правительство подписало в 1864 г. Чугучакский протокол, в соответствии с которым к “русским владениям отошел бассейн р. Нарын, по которому лежит один из ближайших путей в Кашгар... и эта граница, проходящая менее чем в ста верстах к северу от Кашгара и упиралась в хребет Цунь-Линь, тем самым замыкает нашу новую среднеазиатскую границу, соединяющую Оренбургскую и Сибирскую линии [4, с. 3].

Необходимо отметить, что подписанный протокол, а также отказ российского правительства на просьбы как местных китайских властей, так и Пекина оказать военную помощь против повстанцев, получили далеко не однозначную оценку среди современников. Так, М.А. Терентьев считал, что такая позиция привела к прекращению торговли, наплыву беженцев и постоянным провокациям и разбоям на границе, при этом допускались сентенции типа “мирная Срединная империя, поддерживающая с нами более 200 лет дружбы и мира” [5, с. 11, 16], что мало соотносилось с исторической действительностью. При этом игнорировалось реальное, далеко не добрососедское, отношение Китая к России на протяжении двух столетий, к тому же, еще совсем недавно, в 1862–1863 гг., в Прииссыккулье произошел ряд военных столкновений русских войск с китайцами. Поэтому намного более взвешенной и адекватной позицией к сложившейся обстановке в регионе следует считать мнение российских уполномоченных в Чугучаке И.И. Захарова и И.Ф. Бабкова: “Озеро Иссык-куль, бассейн реки Нарын, составляющий верховье Сыр-Дарьи, открывают нам возможность пути в Кашгар и устраняют возможность вмешательства китайцев при развитии видов наших на этот край” [6, с. 108]. Следовательно, уже тогда представлялось возможным в будущем присоединить Восточный Туркестан, занимающий важную стратегическую позицию в Центральной Азии. В этом плане представляет интерес принятие чериков в подданство России в октябре 1863 г., хотя реальных возможностей для установления контроля над их территорией в то время у местных российских властей не было, так как главной целью являлось соединение Сырдарьинской и Сибирской линий, а также урегулирование территориальных споров с Кокандским ханством.

Таким образом, была применена уже опробованная и дававшая хорошие результаты тактика “двоеданства”, позволяющая России на законных основаниях расширять и укреплять свои рубежи в регионе. В отношении же чериков можно при-

менить термин “троеданство”: поскольку их основные кочевья находились к югу от р. Нарын и простирались до Кашгара, то часть их платила зякет Коканду, часть – Китаю, а вскоре – Якуб-беку, и к тому же они считались российскими подданными.

Пока же необходимо было решать насущные задачи: во-первых, удержать российских кыргызов и казахов от участия в грабежах в Синьцзяне; во-вторых, обеспечить безопасность границы. В 1864–1865 гг. казахи и кыргызы (российские подданные) массами пересекли границу с целью грабежа китайцев, маньчжур, калмыков. С другой стороны, уже в 1864 г. повстанцы из Кашгара стали притеснять чериков, манап которых, Турдуке, просил защиты от грабежей [7, с. 256]. 15 февраля 1865 г. Колпаковский сообщал, что “бугинцы, особенно кочующие по Текесу, выжидают только прибытия хождей-святоборцев с войском, чтобы заявить им свою преданность и готовность содействовать имуществу” [8, л. 4]. Действительно, прибытие Бузрук-ходжи с отрядом кокандских войск во главе с Якуб-беком в начале 1865 г. в Кашгар и рассылавшиеся им возвания вызвали ажиотаж среди кыргызов. Весной 1865 г. большая часть бугу решила откочевать в Кашгар, но была остановлена отрядом подпоручика Никольского на р. Текес [7, с. 270–271]. Тогда же усиливается отряд капитана Белинского в Аксуйском укреплении и был построен наблюдательный пост на р. Текес [9, с. 315]. Стремление властей не допустить российских подданных для грабежей за границу не находило понимания у кыргызских родоправителей. Так, в мае 1865 г. бий Суанбек (бугу) напал и захватил несколько стрелков и казаков, посланных остановить его переход через границу [9, с. 316].

Для понимания последующего хода событий и российско-кашгарских отношений необходимо учитывать тот факт, что Якуб-бек прибыл в Кашгар как полномочный представитель кокандского хана, который в то время вел активные военные действия против русских войск. Поэтому позиция Якуб-бека в 1865–1866 гг., пока он не стал единоличным правителем, во многом была подчеркнута антироссийской. Он постоянно вмешивался в дела приграничных кыргызов (бугу и чериков), призывая их к борьбе с русскими войсками, а также строил в приграничной полосе укрепления [10, с. 148]. Для прекращения беспорядков на границе в мае 1867 г. был послан на Текес особый отряд полковника Полторацкого (171 чел и 2 орудия), который 31 мая захватил непокорных манапов – Балбая, Дуаралы и Саурука, после чего их роды вернулись в российские пределы [7, с. 273]. После этого Пол-

торацкий прошел в Нарынский край, где в течение четырех лет господствовал сарыбагышский манап Уметалы со своим союзником Османом Тайлаковым (саяк). Не желая подчиниться российским войскам, Уметалы обратился с просьбой о подданстве к Якуб-беку, однако тот пообещал его казнить, если он ему попадет в руки, так как Уметалы четыре года назад грабил все торговые караваны из Кашгара, которые старались обойти его кочевья [11, с. 314]. Тогда же Полторацкий отправил по личной инициативе посланников к Якуб-беку с предложением установить торговые отношения, в ответ в г. Верный прибыл личный секретарь Якуб-бека Тюрю Ахун для дальнейшего обсуждения [12, с. 35]. В сентябре 1867 г. Полторацкий доносил генерал-губернатору Западносибирского военного округа, что Якуб-бек согласен на учреждение в Кашгаре русского караван-сарая, на постоянное пребывание там аксакала (старшины) русских торговцев и готов конвоировать российские караваны до р. Нарын [12, с. 35]. Однако, так как уже в то время для Якуб-бека стал наиболее важным вопрос о его легитимности и признании великими державами, то российское правительство посчитало преждевременным “войти в официальные сношения с Кашгаром”, так как Якуб-бек может быть “весьма недолговечным владельцем Восточного Туркестана”, и было рекомендовано договариваться между российскими и кашгарскими купцами без участия официальных властей, что, в свою очередь, не устроило Якуб-бека [12, с. 35]. Раздосадованный Якуб-бек решил вернуться к анти-русской политике и в начале 1868 г. заключил соглашение с Бухарой о совместной войне против России, для чего в Турфане было собрано около 9 тыс. воинов для вторжения в Нарынский край, но быстрый разгром бухарцев, а также прекращение военных действий Кокандом помешали реализации этих планов [13, с. 139]. Готовясь к войне с Россией, Якуб-бек развернул активную пропаганду среди бугу, чериков, саяков. В мае 1868 г. Колпаковский отмечал, что связи бугинских манапов с Якуб-беком очень тесные и, чтобы предотвратить влияние, был арестован Тилекмат и выслан в г. Верный [7, с. 291]. Тогда же по просьбе чериков прибыл отряд полковника Краевского, который послал Якуб-беку письмо, в котором объявлялось о намерении создать военное укрепление на р. Нарын с целью обеспечения безопасности русских и кашгарских торговых караванов, что и было вскоре сделано – основан Нарынский форт [6, с. 111].

К этому времени вполне оформилась позиция Якуб-бека, который перестал себя считать подчиненным кокандскому хану, чему способствовало

приобретение им сильной власти в Кашгаре, а также, по его мнению, позорная капитуляция перед Россией Худояр-хана. План Якуб-бека заключался в том, чтобы объединить под своим началом как можно больше государств и территорий с целью создать обширное государство и, используя противоречия России, Англии и Китая, а также в качестве объединительного фактора – панисламизм, добиться независимого и самостоятельного статуса в Центральной Азии.

В конце 1869 г. проходили очередные переговоры кашгарцев с Кауфманом [12, с. 39], где помимо вопросов признания и торговли, исходя из складывающейся обстановки, вполне возможно, впервые было озвучено желание Якуб-бека подчинить все Кокандское ханство, что, конечно, не устраивало российские власти, однако навело их на мысль действительно помочь объединить два государства, но под началом не Якуб-бека, а Худояр-хана, который по своим личным качествам вполне подходил на роль марионетки [13, с. 75].

Как уже отмечалось выше, Россия опередила Якуб-бека и заняла в июне 1871 г. Таранчинский султанат, что очень его озлобило. Якуб-бек стал подстрекать Худояр-хана разорвать с Россией торговые отношения и в союзе с ним покончить с “русской властью в Средней Азии”, при этом, доказывая необходимость войны с Россией, он ссылался на “бедственное” положение мусульман, страдающих под гнетом “неверных” [12, с. 41]. Таким образом, Худояр-хан оказался между двух огней: с одной стороны, призывы Якуб-бека, с другой – уже проверенная на деле мощь русских войск.

В марте 1872 г. в ответ на предложение Кауфмана помочь завоевать Кашгар Худояр-хан утверждал, что он не надеется на свои войска, так как большая часть кашгарских войск комплектуется из того же источника, что и кокандские войска (т. е. из кыргызов – В.Я.) [15, л. 8]. Можно отметить, что это была отговорка, потому что кашгарские войска формировались в основном из уйгур, а кыргызы служили, как правило, разведчиками и курьерами.

Также интересно проанализировать политику туркестанских властей по отношению к Китаю, так как если план бы удался и Кашгар был бы подчинен Худояр-хану, то, исходя из довольно шаткого положения последнего даже в своем государстве, несложно было предвидеть в скором времени присоединение Восточного Туркестана к России. Помимо этой основной задачи модно вполне обосновано предположить, что расширение Коканда за счет Кашгара компенсировало бы территориальные потери ханства в войне с Россией и позволило бы стабилизировать внутреннее положение ханства,

где после утраты обширных территорий и Ташкента правительство резко усилило налоговый пресс, что привело к огромному недовольству большинства народа. Вообще, такой бы ход (присоединение Кашгара к Коканду) позволил бы решить сразу две задачи: с одной стороны, Россия прикрылась бы Кокандом от попыток проникнуть сюда Англии, а с другой – в недалеком будущем заняли бы важный в стратегическом отношении Восточный Туркестан, откуда в последующей перспективе представлялся выход через Тибет к Индии, а следовательно, появлялась действительно реальная возможность при удобном случае оказывать давление на обширном участке границы английских владений в Индии.

Получив отказ от Худояр-хана и зная о предложениях Кауфмана, Якуб-бек с целью разрядить обстановку пошел на заключение равноправного торгового договора с Россией, который и был подписан 10 июня 1872 г. [13, с. 149–150]. В 1873 г. в Петербург был направлен Тураб-ходжа все с той же целью – добиться международного признания Кашгара, однако и на этот раз российское правительство отказалось обсуждать вопрос о признании Якуб-бека и о границах, так как кашгарцы настаивали на том, чтобы они проходили по р. Нарын [12, с. 42, 57]. Провал переговоров, а также прибытие 11 декабря 1873 г. в Кашгар Форсайта, который 12 февраля 1874 г. заключил договор с Якуб-беком о его признании Англией [5, с. 332], привели к возврату антироссийской политики Бадаулета, который снова стал препятствовать российской торговле [13, с. 151]. В последующем интенсивность отношений России с Кашгаром заметно снизилась, так как основное внимание туркестанских властей переключилось на события в Кокандском ханстве в 1873–1876 гг., а у Якуб-бека появилась другая важная задача – отразить наступление китайских войск. Последним аккордом российско-кашгарских отношений стала поездка Куропаткина в начале 1877 г. в Кашгар, когда ему удалось договориться с Якуб-беком о передаче ряда заалайских территорий и укреплений России, однако вскоре последовавшая смерть Якуб-бека и уничтожение его государства китайцами положили конец довольно интересным взаимоотношениям двух государств.

Помимо государства Якуб-бека еще два новых образования граничили с Россией – Калмыкское владение, с центром в Чугучаке, и Таранчинский султанат, с центром в Кульдже. Если с первым были проблемы только в 1865–1867 гг., когда калмыки несколько раз переходили границу и грабили российских подданных казахов [5, с. 13], то второе

представляло собой довольно значительный эпицентр дестабилизации положения в регионе.

Вообще надо отметить, что “таранчами” называли выходцев из Кашгара, т. н. “казенные хлебопашцы”, находившиеся в Илийской провинции на положении ссыльных [7, с. 254]. В российских источниках того времени их часто называли каторжниками, и это было вполне обосновано. Например, в 1864–1865 гг. таранчи и дунгане вырезали около 175 тыс. жителей (китайцы, маньчжуры, калмыки) Илийской провинции [5, с. 10]. Вскоре, в 1866 г., таранчи разгромили своих союзников дунган и вытеснили их в Урумчийский округ, в феврале же 1867 г. таранчи полностью истребили депутацию дунган (500 чел.) [13, с. 123]. Тогда же происходят первые стычки таранчей с русскими войсками. Так, борохудзирский отряд вынужден был дать им отпор, когда прикрывались переселившиеся из Тургеня солонны, после чего всякие отношения с таранчами прекратились до 1869 года [5, с. 17]. Ни на какие переговоры об урегулировании отношений таранчи не шли, стараясь при первой возможности грабить российских подданных казахов. Уже летом 1869 г. В. Радлов считал, что “если всякая надежда на восстановление китайской власти утратится, то в таком случае едва ли не единственный для нас исход из нынешнего неопределенного положения представлялся бы в занятии всей Илийской долины до р. Каша, где Небесный хребет послужил бы, по крайней мере, более естественною границею” [16, с. 98].

В августе 1870 г. при подстрекательстве таранчей отряд кульджинских и российских казахов напал на майора Здоренко, ранив при этом 15 солдат и разграбив почтовую станцию, а 18 сентября того же года произошло нападение на отряд казаков в том же районе [13, с. 131]. Тогда же, после отказа султана выдать преступников, Кауфман предписал Колпаковскому немедленно занять Тянь-Шаньским отрядом спуск с Музартского перевала, единственного прохода в Тянь-Шань между Джеты-шааром и Кульдьюю, чем достигалось обеспечение границы со стороны р. Текес и в то же время перекрывало Якуб-беку прямой путь на Кульджу [5, с. 19]. Миссия же Каульбарса не дала никаких результатов, так как султан не выполнил ни одного своего обещания [5, с. 23]. Последней каплей терпения стало бегство в апреле 1871 г. бывшего меркенского волостного управителя Тазабекка в Кульджу с 1 тыс. кибиток после безуспешных его нападений на высланный против него отряд [13, с. 131–132]. Султану было предъявлено требование о выдаче Тазабекка в семидневный срок, к 3 мая, которое, естественно, было проигнорировано. Поэтому три русских

пограничных отряда в этот день произвели рекогносцировки приграничных районов и были атакованы таранчами, после чего вернулись на свою территорию [13, с. 132]. Этот отход был принят таранчами за показатель слабости русских войск, и 14 мая они перешли хребет и напали на кетменьский отряд [13, с. 132]. Отбив нападение, русские войска 25 мая тремя отрядами под общим командованием Колпаковского перешли границу и разбили в нескольких боях отряды таранчей, при этом надо отметить, что китайцы, дунгане, маньчжуры, насильно мобилизованные таранчами, сдавались без боя [5, с. 32–49]. Все эти поражения деморализовали таранчей, и “в ночь на 21 июня таранчи перерезали несколько сотен калмыков, китайцев и дунган в Кульдже. Таково было последнее проявление власти таранчей в Приилийском крае, кончившейся, как и началось – кровавым насилием” [5, с. 50], а 22 июня 1871 г. султан отказался от власти и сдал г. Кульджу русским войскам.

Выводы:

1. Россия, не оказав помощь Китаю против повстанцев, руководствовалась не какими-то абстрактными понятиями, а исходила из 200-летнего опыта взаимоотношений с Пекином, который неоднократно проявлял свою явно недружественную позицию.
2. Туркестанские власти при отношениях с новыми государствами в первую очередь руководствовались соображениями безопасности своих подданных казахов и кыргызов, а также стремились укрепить границы.
3. Анализ отношений российских властей, особенно местных, с Якуб-беком наглядно показывает, что в 1870–1872 гг. было стремление подчинить Кашгар либо через Кокандское ханство, либо напрямую.
4. Хивинский поход 1873 г. и события в Коканде в 1873–1876 гг. помешали этим планам, что дало время Китаю подтянуть войска и уничтожить все государства на территории Синьцзяна.

Литература

1. *Плоских В.* У истоков дружбы / В. Плоских. Фрунзе, 1972.
2. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. М., 1986.
3. *Можейко И.В.* В Индийском океане / И.В. Можейко. М., 1980.
4. *Мазаев В.* Об русско-китайских разграничениях в Центральной Азии / В. Мазаев // Записка заместителя историко-дипломатического управления МИД СССР, 1971.
5. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2 / М.А. Терентьев. СПб, 1906.
6. Против маоистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе, 1981.
7. *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии 19 века / Б. Джамгерчинов. Фрунзе, 1966.
8. *Донесение Г.А.* Колпаковского генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю // РГВИА. Ф. ВУА. Отд. II. Д. 6794.
9. *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России / Б. Джамгерчинов. М., 1959.
10. *Куропаткин А.Н.* Кашгария / А.Н. Куропаткин. СПб, 1879.
11. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (18–19 вв.): сборник документов и материалов. Бишкек, 1998.
12. *Исиев А.Д.* Уйгурское государство Йэтишар / А.Д. Исиев. М., 1981.
13. *Терентьев М.* Россия и Англия в Средней Азии / М. Терентьев. СПб, 1875.
14. *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан / Л.Г. Корнилов. Ташкент, 1903.
15. Резолюция К.П. Кауфмана на письмо Якуб-бека Кашгарского с изложением мнения о взаимоотношениях России и Кашгара, 25.03.1872 // РГИ-АЛ. Ф. 954. Оп. 1. Д. 342.
16. *Радлов В.* Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. / В. Радлов // Известия РГО. Т. 6 (№ 3). СПб, 1870.